

Koussevitzky's Third Symphony Concerto was dedicated to Rachmaninoff's work and turned out (November 30) to be one of the most successful evenings of the season. This was facilitated by the superb performance of the entire program, with Koussevitzky providing a magnificent interpretation of both of Rachmaninoff's cantatas ("Spring" and "The Bells") and a very subtle accompaniment to the third piece (in D minor), while the composer delivered an inimitably convex and superbly perfect performance of this very concerto. After the last two performances of this concerto, it seemed impossible to play it better, but now it seems that Rachmaninoff played much better than before. It is incomprehensible how one can play as well and with such inspiration as Rachmaninoff plays his own works. "The Bells" has not been played since its first appearance on the stage, and its current performance confirmed the first impression: a score of rare mastery, a work subtly thought out, talented, but somewhat cold. Of the four scenes that make up the cantata, the third is the most powerfully written and the most dramatically conceived. However, musically, I prefer the last movement. Here is the real Rachmaninoff, with those traits that bring his work closer to us and make him a favourite of the public. These traits—sincere lyricism and gentle melancholy, perhaps strengthened by the influence of Tchaikovsky, but not without their individual stamp. "Spring" is rarely performed, yet it contains some excellent pages. Among these I include the entire chorus and orchestra, which vividly and warmly paint a picture of spring. The recitative part seems weak, but it contains excellent details (choral imitation, the howl of a winter snowstorm, and then the chorus's excellent cry of "Kill"). To what has already been said about the performance, I will add that the solo parts were excellently performed by Ms. Stepanova and Messrs. Alchevsky and Migay, who sang the solos in both parts. Gr. Pr[okofiev].

[Translation: Google]

Об III симфонч. концертъ Кусевицкаго былъ посвященъ творчеству Рахманинова и вышелъ (30 ноября) однимъ изъ удачнѣйшихъ вече-ровъ сезона. Этому способствовало превос-ходное исполненіе всей программы, при чемъ на долю Кусевицкаго выпало великолѣпное истолкованіе обѣихъ кантатъ Рахманинова («Весна» и «Колокола») и очень тонкій аккомпаниментъ къ третьему концерту (d-moll), а на долю автора-неподрожжимо-выпуклое и сверх - совершенное исполненіе от этого самаго концерта. Послѣ двухъ послѣднихъ исполненій этого концерта казалось, что лучше его сыграть никакъ нельзя, а теперь кажется, что Рахманиновъ именно теперь игралъ много лучше, чѣмъ раньше. Непости-жимо, какъ можно такъ хорошо и вдохно-венно играть, какъ играеть Рахманиновъ свои вещи. «Колокола» со времени перваго своего появленія на эстрадѣ больше пока не игра-лись, и теперешнее ихъ исполненіе под-твердило первое впечатлѣніе: партитура рѣд-каго мастерства, произведение тонко обду-манное, талантливое, но холодноватое. Изъ составляющихъ кантату четырехъ сценъ третья наиболѣе сильно написана и наиболѣе драматично задумана. Однако, по музыкѣ послѣдняя часть мнѣ нравится больше. Здѣсь есть настоящій Рахманиновъ съ тѣми его чертами, что приближаютъ къ намъ его творчество, что дѣлають изъ него баловня публики. Эти черты-искренній лиризмъ и мягкая меланхолія, можетъ быть окрѣп-шія подъ вліяніемъ Чайковскаго, но не лишенная и индивидуальнаго отпечатка. «Весну» исполняютъ рѣдко-рѣдко, а ме-жду тѣмъ тамъ есть отличныя страницы. Къ таковымъ отношу всю партію хора и оркестра, ярко и тепло рисующую катинку весны. Партія речитативная кажется слабой, но въ ней есть отличныя детали (хоровая имитация, завываніе зимней вьюги и потомъ отличный возгласъ хора «Убей»). Къ сказан-ному

уже про исполненіе добавлю, что соль-ныя партіи были отлично проведены г-жей Степановой и гг. Алчевскимъ и Мигаемъ, на долю котораго выпали soli въ обѣихъ кантантахъ. Гр. Пр.